

БЕЛАЯ НОЧЬ

Как поётся в старой студенческой песне:

«От сессии до сессии

Живут студенты весело,

А сессии всего два раза в год!»

Только студентам выпало счастье испытать чувство настоящего блаженства после сдачи без хвостов весенней сессии. Мы отмечали это событие в общежитии, закусывая кровяной колбасой дешевое кислое вино и горланя военные, альпинистские и геологические песни.

– Айда встречать белые ночи на бастионы Петропавловской крепости, – вдруг предложил Абраша.

Гурьбой мы выбежали из общежития и вскочили в полупустой вагон трамвая. Я стал тихонько наигрывать на гитаре. Тут вагоновожатый так на нас посмотрел, как будто мы не взяли билеты. Мы дружно на него посмотрели так, как будто у нас есть билеты.

Напротив нас сидела молодая женщина с маленьким мальчиком. Непонятно было, куда они могли ехать так поздно. У мальчика на голове красовался высокий тюрбан из цветастого махрового полотенца. Мальчик заметил нашу веселую компанию и громко, так чтобы мы все слышали, спросил мать:

– Мама, я похож на султанчика?

– На дрянь ты похож, вот на кого, – неожиданно сердито накричала на сына мать.

– Разве можно так разговаривать с ребенком? – не выдержали наши девушки и вступились за мальчика.

Ребенок посмотрел на них с благодарностью.

– А вы знаете, что у него на голове под полотенцем? – вдруг с обидой спросила мать. – Ваза хрустальная за сто рублей. Он ее на голову надел. Вот, едем в травмпункт снимать.

По набережной слонялась уйма народу. Много было выпускников одиннадцатых классов. Юные, красивые, счастливые девчонки в фантастических платьях и веселые мальчишки в элегантных костюмах.

Мы познакомились с ребятами с Выборгской стороны. Вместе дружно распевали студенческие песни.

– Поступайте к нам на геологический, – соблазнял их Абраша. – У нас у радиоактивщиков повышенная стипендия.

– Мы будем инженерами, – гордо заявили нам ребята, – все поступаем в электротехнический институт.

Над Невой плыла чарующая белая ночь. Вздрыбленные пролеты мостов отражались в сером металле воды. От счастья хотелось кричать и разбудить весь город. Непонятно было, кто может спать в такую ночь?

К утру от воды потянуло холодом. Девчонки продрогли, ребята тоже. Все были в рубашках, и только Блондин в пиджаке. Девчонки по очереди грелись, закутавшись в просторный пиджак. Кому-то пришла идея немного согреться, но купить ночью спиртное было негде. Единственным местом был валютный бар «Садко» в Европейской гостинице. Валюты у нас, конечно, не было и удалось набрать только пять рублей.

Юра Тихомиров предложил направить в «Садко» Васю Семукова, который по национальности был коми и по виду вполне мог сойти за финна-лесоруба, приехавшего в Ленинград пить «дешевый русский водка». Мы придели Васю, отдав ему все самое лучшее из своей одежды. Блондин дал

пиджак, Мишка туфли, а Женя Говоров завязал Васе галстук в виде огромного дурацкого банта и заверил всех, что финны так носят.

– Главное, не тушуйся перед швейцаром, – напутствовал я Васю, – морду кирпичом и вперед. А если привяжется, то кричи по-русски: «Я буду жаловаться мой посол», – а остальное чеши на коми и больше угрожай.

С угла Невского проспекта мы наблюдали, как Вася развязно подошел к гостиничным дверям и потребовал, чтобы его впустили. Швейцар было начал ерепениться, но Вася стал возмущенно кричать на коми, склоня швейцара на шестнадцати падежах. Угрозы подействовали и Васю впустили.

Как Васе удалось на рубли достать спиртное, так и осталось загадкой. Через несколько минут он вышел. На его пальце на проволочной петле раскачивалась бутылка «Столичной», вмороженной в брусок льда.

Мы встретили Васю боевым победным кличем нашего факультета. Всем досталось по глотку ледяной водки, но на пустой желудок и этого достаточно. Народ повеселел, и сразу же захотелось есть. В одном из переулков мы заметили, как у магазина разгружали машину с молоком. Достать пару пакетов молока послали Оленьку Кожухову – очаровательную длинноволосую блондинку, снабдив ее суммой в пятнадцать копеек одной монетой.

– Дяденьки, – обратилась Оленька к суровым грузчикам, – продайте мне, пожалуйста, два пакетика молока, но у меня только пятнадцать копеек.

– Для вас, девушка, ничего не жалко, – грузчик дал Оле два пакета молока, – и для ваших друзей, которые прячутся за углом, тоже – грузчик протянул еще два пакета, – и денег не надо.

Мимо нас проехала и остановилась около магазина машина с надписью «Хлеб». Из кабины выскочил молодой шофер и, провожая Оленьку взглядом, крикнул нам:

– Эй, студенты, идите сюда, хлеба дам.

Шофер отвалил нам четыре горячих, мягких, как пух батона, которые мы быстро умяли с молоком. Казалось, что нет ничего вкуснее на свете холодного молока с горячим хлебом.

По Неве в створ разведенного Дворцового моста проходили корабли. На набережной толпился народ. Вдруг недалеко завывли сирены спецмашин. На мост одновременно въехали «скорая помощь» и милицейский газик. У перил, в окружении зевак, на четвереньках стоял парень. Голова его была просунута между прутьями чугунной решетки и, по всей видимости, обратно не лезла.

Рядом с парнем стоял врач «скорой помощи» в белом халате и подруга парня объясняла молодому медику:

– В воде что-то булькнуло, и Алик хотел посмотреть, а голова назад не лезет.

– Зачем же смотреть через решетку?

– Алик не такой как все, он особенный и все делает иначе, – гордо заявила девица.

– Инакомыслящий, значит, – усмехнулся врач, – и что я, по-вашему, могу сделать? – он провел пальцем по распухшей шее парня, который не прекращал бесплодных попыток вытащить голову, и тем самым усугублял свое положение. – Уши отрезать?

– Как вам не стыдно, – возмутилась девица, – сделайте же что-нибудь. Ну, намылите ему шею, – предложила она.

– Шею ему намывают в милиции, когда он вытаскивает голову, – усмехнулся врач.

Парень замычал и дернулся. Девушка наклонилась к нему и вставила в рот своему ухаю дымящуюся сигарету.

Народ принимал активное участие в происходящем. Кто-то посоветовал врачу прибинтовать к голове торчащие уши. Серега Володько пробрался к месту происшествия и, присев рядом с парнем, что-то долго и горячо ему советовал.

Врач сообщил по радиации, что еще немного задержится: вдруг парню свернут шею, когда станут вытаскивать голову.

Наконец, прибыла машина аварийной службы, и двое рабочих перепилили прут решетки. Парня освободили и вместе с девушкой посадили в милицкий газик. Народ стал расходиться.

И только ангел на шпилье Петропавловской крепости, раскинув крылья, свободно летел в чистом утреннем небе.